

В. И. Иванов — Э. К. Меттнеру

28 августа <1933>

Дорогой Эмилий Карлович,

Спешу возвратить Вам гороскоп и прошу извинить мою растерянность: я усвоил себе из Вашего письма от 8 августа, что его не нужно высылать в Германию, но вообразил себе Вас почему-то уже там; и тогда как Вы ясно пишете, что он должен быть возвращен к 20 августа, я задержал его нарочно, чтобы он не пропал как-нибудь, попав в Цюрих в Ваше отсутствие. Одним словом, *ist war verrückt*, а может быть, это все — «*Tücken des Objektes*», Вас, согласно гороскопу, преследующие. Благодарю Вас за его сообщение: он действительно дает разительно точное изображение как основных черт Вашей личности, так и тончайших их особенностей: Ваш внутренний облик, — ах! и Ваша полная самоотречений и всячески «*aus einem nicht klare Gründe*» затрудненная судьба — намечены твердо во всем своеобразии того и другой. Но что меня особенно утешило, это — последнее изречение: «*doch führt dieser Aspekt in Verlauf zu einen Trigon des Uranus auf die Radix — sonne (? — welch in Kauderwelsch!), wordurch eine positive Verarbeitung der Erlebnisse möglich?* — и торжествую, видя Ваши заявления о «невозможности» написать ее астрологически опровергнутыми. В общем же, гороскоп отвечает вполне старинному принципу астрологии: «*astra inclinant, non necessitant*».

Возвращаю Вам с благодарностью и один из двух находящихся у меня экземпляров статьи Н. К. о Рахманинове, оставляя себе другой на память или до востребования с Вашей стороны. Статья, глубоко интересная прежде всего как выстраданный в течение целой подвижнической жизни протест кельи против площади (помните мои старинные рассуждения о «келейном таинстве?»), говорит собственно о невыразимом словами — и, благодаря какой-то магии напряженного чувства, успевает его выразить, мы убеждаемся в верховном даре рахманиновской музыкальности, в его природной кровной связи с самою душою музыки, Но все же не узнаем при

этом (и вовсе не по вине автора статьи, а вероятно, по существенной духовной близости музыкального медиума, о котором статья трактует), что такое Р<ахманинов> как композитор, т. е. какую весть Духа приносит он музыкальной Душе мира, ждущей ее от человека. Ведь произведение искусства — чудо брака, в страстной взаимной любви совершающегося между человеческим духом и мировой Душой (музыкальной или пластической стихией), и весть духа — не «содержание», выраженное в понятиях, а *logos spermaticos*, семя Логоса. Но есть зачатия, в которых деятельность мужского начала сведена как бы только к первому физическому импульсу генеративного процесса, совершающегося в женщине и силами женщины; есть художники почти всецело душевные, и к ним, должно быть, принадлежит Рахманинов. Брат же Ваш влюблен в него, как мы влюбляемся в женщину.

Под конец только приходится мне сказать — пока лишь два слова — о Вашем великолепном письме от 7 июня (июня! — *heu me miserum!*), в котором так свободно и роскошно развернулась Ваша меня чарующая *Unzeitgemässheit*. Мне стыдно было читать эти написанные с мучением, больною рукой, — хотя и без малейшего изменения почерка, — бурные и блестящие страницы, — такой труд Вы совершили для меня, — но как я Вам был за них благодарен! Благодарен и теперь, перечитывая их, и размышления при перечитывании будут Вам неукоснительно сообщены. Я давно собирался отдалиться этому утонченному умственному удовольствию — заботы дня густою ратью вставляли между вожделением и свершением.

Обнимаю Вас, дорогой друг, и благодарю за ласку к Диме, который рассказывает о Вас с любовью. Ваш верный

Вяч. Иванов.

Ceterum censeo, mi Aristoxene, conscribendam esse Poesin et Noesin vitas quam vixisti, ac sine mora strenue incohendam.

